

18+

Алексей Тихоньких

Круглое

озеро

Алексей Тихоньких

**Круглое озеро. Я был
советским спортсменом**

«Издательские решения»

Тихоньких А. А.

Круглое озеро. Я был советским спортсменом /
А. А. Тихоньких — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-511373-3

«Круглое озеро» является продолжением автобиографической повести «Я был советским спортсменом» и основывается на реальных событиях. За свою историю существования тренировочный центр «Озеро Круглое» стал центром воспитания чемпионов, результаты которых зависят от многих факторов, в том числе и от тех условий, в которых они готовятся к соревнованиям. Именно здесь советские гимнасты проходили настоящую школу жизни и учились побеждать.

ISBN 978-5-00-511373-3

© Тихоньких А. А.
© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ГЛАВА 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Круглое озеро
Я был советским спортсменом
Алексей Анатольевич Тихоньких

© Алексей Анатольевич Тихоньких, 2020

ISBN 978-5-0051-1373-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ

(Из официальных источников)

Республиканский Олимпийский центр «Озеро Круглое» – Федеральное государственное унитарное предприятие, основными видами деятельности которого является предоставление услуг по организации и проведению учебно-тренировочных сборов основных, юношеских и юниорских сборных команд Российской Федерации по спортивной гимнастике и плаванию.

База построена в 1953 году и изначально служила лыжной базой Московского института физкультуры. В рамках подготовки к Олимпийским играм 1980 году была модернизирована.

Спортивный комплекс расположен в экологически чистом районе Подмосковья в окрестностях живописного озера Круглое. За территорией спортбазы расположен лесопарк для отдыха и прогулок, где есть также возможность проводить тренировки по общефизической подготовке, по спортивному ориентированию. В распоряжении членов сборных команд гостиница, медико-восстановительный центр, бальнеотерапия, массажный кабинет, сауны, зал для проведения семинаров, конференций на 50 мест, учебные классы, плавательный бассейн с тремя специализированными спортивными залами.

ГЛАВА 1

Утром

В коридоре хлопнула дверь, послышались шаги. Раздался стук, дверь нашей комнаты приоткрылась, и послышался голос старшего тренера: «Мальчики, подъём».

Утром Аркаев будил нас лично, заглядывая в каждый гостиничный номер. Я уже давно не спал, ожидая этот момент. Сегодня мне больше обычного хотелось, чтобы он ошибся и каким-то чудом прошёл мимо нашей комнаты, хотя надеяться на это было бесполезно. Вот уже несколько лет подряд во время всесоюзных сборов Леонид Яковлевич ни разу не забыл постучать в нашу дверь. Вчера вечером я приехал из Соединённых Штатов Америки, и разница с Москвой во времени давала себя знать. Я понимал, что это обстоятельство не освобождало меня ни от утренней тренировки, ни от соблюдения общего распорядка дня сборной команды СССР по спортивной гимнастике. Я встал, оделся и спустился во двор перед гостиницей. Было ещё темно. Подошедший Юра Королёв негромко поздоровался:

– Привет, Американец, – и пробурчал. – Еле встал. Утром расслабляться опасно, одно лишнее движение – и снова спишь...

– У меня пока ещё другой часовой пояс. В Вашингтоне полночь, – сказал я, застёгивая куртку.

– То-то я смотрю – ты в форме. Утром это подозрительно. Слышал, ты там оторвался по полной.

– Как учили.

– Молодец. А китайцы были?

– Были, были, – сказал я, положив ему руку на плечо, и добавил, – рад тебя видеть, чёрт владимирский.

Мы построились и после традиционного приветствия побежали напрямик в гимнастический зал по дороге, покрытой тонким слоем выпавшего ночью снега. Юра бежал впереди меня, и я старался ставить ноги за ним след в след, чтобы как можно меньше снега попало внутрь моих кроссовок.

Кто бы мог подумать, что этот невысокий парень из Владимира был двукратным абсолютным чемпионом мира и одним из самых титулованных гимнастов сегодняшней сборной команды. Спокойный, с фотогеничной улыбкой, он отличался мягкой, я бы сказал, «кошачьей» манерой исполнения гимнастических элементов. С самого начала нашего знакомства меня удивляли в нём почти противоестественная для его возраста уверенность в себе и, как мне казалось, слишком рациональный подход ко всему, чем он занимался. Даже свои оценки на предстоящих соревнованиях он просчитывал заранее с точностью до десятых балла.

Как-то раз, когда он опять колдовал над оценкой на вольных упражнениях, своём коронном снаряде, я спросил его:

– Юра, что ты там всё считаешь, как на уроке арифметики – «Один пишем, два в уме!» Ну какой смысл производить все эти расчёты? А если ты сделаешь какую-нибудь непредусмотренную ошибку или, например, у тебя лопнет резинка в шортах?

– Я не ошибусь, Тишка, и резинка у меня не лопнет, – отвечал он со своим, так меня раздражающим, самоуверенным видом.

Самое удивительное было в том, что он действительно очень редко ошибался, и его личные прогнозы часто сбывались. Мне довелось не раз выступать с ним в одной команде, и я знал, что на него можно было положиться. Он умел собираться, выступать и побеждать, чем с лихвой оправдывал быстро прилипшее к нему прозвище «Король».

На всесоюзный сбор в Олимпийском центре «Круглое озеро» в декабре 1980 года нас пригласили одновременно. На первой тренировке меня сразу впечатлила наша олимпийская

команда. Трудно было поверить, что я буду тренироваться в одном зале с олимпийскими чемпионами Александром Дитяниным, Александром Ткачёвым, Владимиром Маркеловым. Ожидая построение, они, одетые в красные болоньевые костюмы олимпийской команды, стояли кучкой возле коня. Эдик Азарян что-то рассказывал, и все смеялись, один Саша Ткачёв просто улыбался и молчал.

Когда мы вошли в зал, они с интересом посмотрели на нас. Артур Акопян стал что-то объяснять им, кивая в нашу сторону. С ним мы были знакомы ещё по юношеским соревнованиям. Это был очень элегантный и красивый гимнаст из Еревана, чемпион мира в командном зачёте.

Юра улыбнулся и толкнул меня плечом:

– Тишка, видал экипировку? «От тайги до британских морей Красная Армия всех сильнее!»

Казалось, что на него олимпийцы не произвели никакого впечатления.

Я разглядывал зал и, не оборачиваясь, спросил:

– Кстати об армии, ты знаешь, кем Чебурашка служил?

– Кем? – удивился он такому неожиданному вопросу.

– Радаром, Юра, радаром.

– Ну да. Конечно, – усмехнулся он, пожимая плечами.

Мы постояли немного и сели на ближайшую скамейку. К нам подошёл белорусский гимнаст Павел Сут, поздоровался и насмешливым тоном спросил:

– Разрешите присоединиться к компании новичков? Что, Король, уши прижал? Не бойся, не съедят.

– Садись, Паша. Говорят, в ногах правды нет, – сказал Юра и добавил. – Кстати, не знаешь, случайно, при чём тут правда?

Паша не ответил, сел и начал наматывать бинты на запястья. Мы уже не раз встречались с ним на юношеских соревнованиях. Он был неплохо образован, много читал, обладал хорошей памятью и быстро «подсадил» меня на Жванецкого, рассказав мне практически наизусть его монолог «Собрание на ликёро-водочном заводе».

В середине семидесятых он прославился своим знаменитым упражнением на ковре. В то время музыкальное сопровождение было обязательным не только для девочек, но и для мальчиков. На соревнования мы приезжали с пианистами, которые умели импровизировать таким образом, чтобы мелодия максимально подходила к содержанию упражнения.

Никто не усложнялся, перед подходом мы им просто сообщали какой акробатической связкой заканчивали. Мы выполняли комбинацию часто под совершенно незнакомую музыку, и в конце упражнения звучал торжественный финальный аккорд.

Паша был одним из первых гимнастов, который начал выполнять вольные упражнения, составленные настоящим хореографом под соответствующую музыку. Это была новая и оригинальная интерпретация мужского гимнастического упражнения. Однако хореография и музыка вызвали у нас определённую ассоциацию с построением женских композиций на ковре, и ребята подтрунивали над ним.

Мы все трое прошли через молодёжную сборную команду СССР. Старшим тренером тогда был Андрей Фёдорович Родионенко, специалист, сумевший создать действительно творческую обстановку среди тренерского состава. Он эффективно использовал методические разработки таких теоретиков гимнастики, как Гавердовский, Алекперов, Смоленский, Менхин и другие. Мне нравилась его манера держаться и общаться с гимнастами и тренерами. Он объяснял, не повышая голоса, даже когда хотел убедить несогласного с ним. Он не давил, не настаивал, и во всём, что он делал, чувствовалась интеллигентная компетентность.

В течение моего первого сбора на Круглом мне казалось, что это происходило не со мной. В гостинице меня поселили в номере с двумя Александрями – Дитяниным и Ткачёвым. Я жил,

тренировался вместе с моими вчерашними кумирами и мог даже с ними перекинуться парой слов, помочь принести мат, сыграть в настольный теннис или бильярд.

Как-то раз вечером после ужина мы разговорились с Сашей Ткачёвым. Он обычно был не очень общителен, но в этот раз был непривычно разговорчив. Я сказал ему:

– Саша, мне трудно себе представить обстановку в зале во время чемпионата мира или олимпийских игр. Такая ответственность!

– Вот именно, Тишка. Это, наверное, самое сложное – суметь справиться со страхом подвести своих товарищей по команде. Ты знаешь, в сборной были даже гимнасты, которые не хотели попасть в команду, чтобы избежать этой непомерной ответственности. Действительно, на соревнованиях иногда бывает такое психологическое давление, что готов прочесть молитву и поверить во что угодно, не зависящее от тебя и влияющее на результат.

– Это точно! – воскликнул я. – Меня на соревнованиях иногда даже злость берет на себя: вставать с правой ноги, скрещивать пальцы, стучать по дереву... Так может и крыша поехать от суеверия!

Саша Дитятин, который во время нашего разговора читал, как обычно, лёжа на кровати, вдруг отложил книгу, приподнялся и насмешливо спросил:

– Тишка, я вижу – ты знаток. Может, подскажешь – если чёрный кот перед тобой перешёл дорогу туда и обратно, он удвоил наказание или отменил своё решение?

– Заблудился скорее всего, – засмеялся я.

– Самой сложный момент, – продолжал Саша Ткачёв, не обращая внимания на Дитятину, – это когда ты отдаёшь себе отчёт в том, что можешь выиграть, но для этого осталось сделать только один подход. Вот ты стоишь перед снарядом и чувствуешь, что на тебе сконцентрировалось внимание всех зрителей на трибунах. И тут ты понимаешь, что на тебя смотрят также на экранах телевизора твои родители, твои друзья, одноклассники, учителя, тренеры и гимнасты твоей спортивной школы, твоя девушка...

Дитятин опять оторвался от чтения и сказал:

– Вы знаете, если на вас смотрит и улыбается девушка в баре – это значит, что у неё просто нет денег?

Саша усмехнулся:

– А если вы улыбнулись в ответ – это значит, что у вас деньги ещё есть? – он посмотрел на Дитятину и спросил. – Мы наверно тебе мешаем своими разговорами?

– Да нет, очень даже интересно, – он захлопнул книгу и, вставая с кровати, сказал. – Помню, как на Олимпиаде в Монреале Коле Андрианову оставался последний снаряд, конь, когда он понял, что если не упадёт, то станет абсолютным олимпийским чемпионом. Его так потрянуло – он был, как в тумане. Он столько «наимпровизировал» в своей комбинации, что, когда соскочил, сам не помнил её содержание.

В тот момент я слушал Сашу Дитятину, и мне хотелось крикнуть: «Ребята, это ведь ДИТЯТИН! – советский спортсмен, который вошёл в книгу рекордов Гиннеса, потому что завоевал восемь медалей на одних Олимпийских играх 1980 года в Москве!»

С тех пор прошло больше пяти лет, и сегодня уже Юра и я были самыми старшими в сборной, и новички посматривали на нас с уважением.

Когда мы подбежали к зданию, в окнах уже горел свет. В зале было немного прохладно. На низком столике в углу, недалеко от брусьев, возле разогретого самовара, лежали сухофрукты и шоколад, рядом стояла баночка с мёдом. Я налил себе немного горячего чая, сделал глоток и посмотрел вокруг. Каждый занимался своим делом. Упражнения по специальной физической подготовке служили утренней разминкой для гимнастов, рассредоточенных по всему залу.

Я поставил чашку и тоже приступил к тренировке. Начал я сразу с упражнений для укрепления поясницы. Я лёг на живот на специальную скамейку, согнул ноги и положил двадцати-

килограммовый блин от штанги сзади на икроножные мышцы. Затем выпрямил ноги и стал их поднимать до прямого положения тела. После второй серии ко мне подошёл Дима Воробьёв и сказал:

– Лёха, ну ты даёшь! Двадцать килограммов!

– Дима, поясница болела, посоветовали закачивать. Начинал с пяти килограммов, постепенно дошёл до двадцати.

– Понятно, – протянул он, потом взял другой блин от штанги и стал поднимать вверх прямыми руками. – У всех чего-нибудь болит. Говорят, если однажды утром проснёшься, и у тебя ничего не болит – значит, ты умер.

– Ну тогда пусть болит, живее будем! – весело сказал я, заканчивая упражнение, и пошёл в сторону низких брусьев, – а ты, Дима, спину тоже подкачивай, а то закончишь в ЦИТО, как я в твоём возрасте!

В центральный институт травматологии и ортопедии я попал после неудачного соскока с брусьев на всероссийском сборе во Владимире. Это произошло, когда мне было ещё 17 лет. При приземлении спину просто заклинило. Я стоял, криво улыбался и не мог сойти с места. Тренеры подбежали, подхватили меня и помогли дойти до массажной кушетки. Вызвали скорую. В больнице я пролежал три дня и когда начал с грехом пополам ходить, меня переправили на поезде в Москву.

В отделении, куда меня поместили, практически все пациенты были спортсмены. В нашей четырёхместной палате оказался даже борец из Туниса. Он, как ни старался, не мог правильно произнести моё имя и называл меня «Лоша», чем вызывал улыбку других соседей по палате.

Мне снова сделали рентгеновские снимки позвоночника и начали производить уколы утром и вечером. Я сдал все необходимые анализы, и следующие два дня ничего другого не происходило. На третий день вечером медсестра сообщила мне, что завтра мне будут делать новую процедуру, поэтому утром нельзя было ничего есть. Когда на следующий день в палату вкатили носилки, моё сердце тревожно забилось, но я не подал виду. Я лёг, и меня повезли в операционную.

Возле операционного стола, куда меня переложили, стоял небольшой вспомогательный столик, на котором лежал набор игл для шприца разной величины. Мне сразу бросилась в глаза игла размером со стержень для авторучки. Несмотря на то, что в комнате было не жарко, меня пробил пот. Оказалось, эта процедура называлась «новокаиновая блокада». Она состояла в том, чтобы вкалывать вот эту большую иглу вдоль позвоночника и накачивать новокаином больное место. После нескольких локальных обезболивающих уколов немолодая женщина-врач воткнула иглу в районе поясницы и выдавила всё содержимое шприца, затем она отцепила шприц, оставив иглу в спине, и наполнила шприц заново. Она наполняла это место лекарством до отказа и после этого продельвала такую же процедуру сантиметров на десять повыше. Когда всё было закончено, она постучала крепко кулаком по спине и спросила:

– Ну что, товарищ спортсмен, чувствуете что-нибудь?

– Нет, – выдохнул я, стараясь отвечать бодрым голосом. Голова кружилась, и немного ныло в спине.

– Прекрасно, – и, обращаясь к медсестре, сказала. – Пусть полежит минут пять, потом отвезите в палату.

В этот момент в операционную кто-то вошёл, и я услышал негромкий голос:

– Зоя Сергеевна, привезли, он не догадывается.

– Хорошо, Серёжа. Позовите ещё двоих, и пусть они будут готовы.

Через несколько минут ввезли носилки. Парень, как оказалось грузинский футболист, сел и вопросительно посмотрел на Зою Сергеевну. Ему помогли перебраться на второй операционный стол, и я заметил, как его окружили четверо мужчин в белых халатах. Неожиданно для него они схватили его руки и ноги и прижали к столу.

– Что вы делаете? – закричал он и вдруг, словно поняв в чём дело, обмяк и обречённо выдавил из себя, – не надо, пожалуйста.

– Нугзар, мы не вправе выпустить вас из отделения калекой, – заговорила врач решительным тоном, – я уже вам говорила, что вы должны сгибать ногу минимум пять раз в день. Сегодня мы поможем вам согнуть вашу ногу силой пока на 45 градусов, и вы нас за это ещё поблагодарите.

Футболист напрягся, его лоб покрылся испариной, он хотел что-то сказать, но тут Сергей, державший за ногу пациента, уверенным жестом постепенно согнул её в колене. Нугзар закричал что-то на грузинском и заплакал.

Дело оказалось в том, что после операции требовалось осуществлять физическую реабилитацию для полного восстановления нормального объёма движений в коленном суставе. Для этого ему нужно было выполнять специальные упражнения через боль. Он этого избегал любыми способами. В итоге, как мне объяснили, в суставе могли затвердеть послеоперационные спайки, и нога не сгибалась бы вообще. После этого случая время от времени мы с ним пересекались в спортивном зале. Я видел, что он перестал отлынивать от упражнений, хоть и выполнял их без особого энтузиазма. Через месяц он стал почти полностью сгибать и разгибать свою ногу.

За полтора месяца, которые я провёл в ЦИТО, мне сделали несколько блокад, уколы, вводящие стекловидное тело и витамины, десятки сеансов физиотерапии, массажа, и в конце концов настало время выписываться из больницы. Я стоял в коридоре, ожидая выписки, и разглядывал плакат на стене, на котором была афиширована статистика спортивного травматизма. К моему удивлению гимнастика была на четвёртом месте, после вольной борьбы, футбола и регби. Вышедший из кабинета доктор сказал мне:

– Алексей, возможно тебе придётся расстаться с мечтами о большом спорте.

– Почему? – спросил я удивлённо.

– Потому что у тебя имеется небольшой дефект позвоночника в поясничном отделе.

Во всяком случае многое будет зависеть от состояния мышечного корсета вокруг.

Я не стал спрашивать, что всё это значило, да и не хотел знать. Спина больше не болела, и я, вернувшись домой, сразу приступил к регулярным тренировкам.

Почти все из моих товарищей по команде побывали в этом учреждении. К сожалению, выступая на международном уровне, было трудно избежать травм разной степени тяжести.

Дольше всех наверно держался Юра Королёв, но и он перед олимпиадой в Сеуле травмировался. У него оторвалось ахиллесово сухожилие. В тот день я ему написал такие строчки:

Восемь лет пронеслось на взводе,

Вдруг от боли скривило рот.

Нет, не всё иногда выходит,

Но проходит, и это пройдёт.

Нам ли в травмах искать причины?

Знаешь сам – в этом толку нет.

Ведь на то мы с тобой и мужчины,

Чтобы выше быть собственных бед.

Утренняя тренировка подходила к концу. Несмотря на относительную свободу выбора упражнений во время этого сеанса, некоторые были обязательными. Например, в этот раз перед тем, как её закончить, нужно было сделать несколько элементов в соскок с батута три раза без ошибок в приземлении. Я легко справился с двойным сальто назад в группировке и двойным сальто назад с поворотом на 360 градусов, но застрял на двойном сальто вперёд. Мне никак не удавалось его исполнить без ошибок.

Мой тренер наблюдал за моими попытками издали. Мы были вынуждены работать много времени вместе, и он старался не надоедать и не вступать в контакт со мной без необходимости. Ну вот он не выдержал и подошёл ко мне.

– Алексей, перестань смотреть на ноги при приземлении! – сказал он. – Смотри перед собой и держи спину прямую, а то так и без завтрака останешься.

– Так точно, шеф! – засмеялся я, и тут же выполнил этот элемент в доскок.

Геннадий Никифорович удовлетворённо кивнул и сказал:

– Запомни, Лёша, опуская глаза, гимнаст автоматически опускает немного голову, а это способствует округлению спины. Учи биомеханику – это не абстрактная наука!

В сборной команде большое внимание уделялось детальной отработке сложных элементов, однако точность в приземлении после комбинации часто имела решающее значение для победы. Было бы непрофессионально с нашей стороны надеяться на безошибочное исполнение соскоков со снарядов без отработки этого на тренировках. Совершенно не случайно на чемпионате мира 1985 года в день обязательной программы четверо из нас на опорном прыжке сделали переворот вперёд сальто вперёд в группировке в доскок, а ведь этот прыжок очень сложно выполнить совершенно без потерь.

После тренировки в раздевалке я неожиданно стал свидетелем разговора, в котором Геннадий Александрович Фаляхов сказал: «Тренер – это садовник, гимнаст – это цветок. Каким тренер его сделает, таким цветок и вырастет. Без садовника цветок не сможет вырасти ни красивым, ни оригинальным». Я оделся, отправился на завтрак. Всю дорогу эта мысль о садовнике и цветке не давала мне покоя:

«В принципе он прав, но существуют ведь и простые полевые цветы. Значит, цветок может вырасти и без садовника. Он будет диким, может быть, не таким ухоженным, но вырастет. А садовник? Садовник без цветка даже не садовник. Например, в пустыне или на Луне, там, где ничего не растёт. Садовник действительно может посадить зерно и из него вырастить цветок. Да, но зерно происходит из другого цветка, а не сделано самим садовником. Выходит, значение имеет и цветок, давший это зерно, и в случае с гимнастом таким цветком являются его родители. Вывод – прежде всего нужно зерно надлежащего типа, а потом уже садовник, который должен поместить его в соответствующие условия и суметь вырастить из него цветок необыкновенный».

Размышляя, я не заметил, как подошёл к четырёхэтажному корпусу, в котором находилась столовая. Открывая дверь, я подумал: «Ну ты нагородил – садовник, цветок... То же мне философ-натуралист!»

На нашем столе было чем подкрепиться: свежий хлеб, масло, сыр, творог, сметана, яйца, бутерброды с красной и чёрной икрой...

– Как говорится, завтрак съешь сам... – процитировал я и подмигнул Саше Тумилевичу, садясь за стол.

– А бутерброд с чёрной икрой отдай товарищу! – подхватил он. Он знал, что я предпочитал красную икру чёрной.

Некоторые считают, что чёрная икра полезнее, поэтому и дороже. На самом деле состав этих морепродуктов в целом одинаков, просто в красной икре больше жиров и белков, а в чёрной – железа. Мы обменялись бутербродами, и Саша спросил:

– Ну как Америка?

– Америка гнивает, катится и падает в пропасть, – улыбнулся я.

– Ну да. А мы откуда наблюдаем? – рассмеялся он и продолжил. – Тебе привет от Виктора.

– Спасибо. Как он?

– Ничего, отходит. Ты знаешь, он мне рассказал, что твои стихи про комбата на съезде ветеранов прочитал, так его сразу спросили, в какой части ты служил в Афгане.

Я налил себе кофе и промолчал. Осенью Саша приезжал на Круглое озеро с новым молодым тренером. Его постоянный тренер не смог приехать и попросил Виктора, бывшего ученика их спортивной школы, временно заменить его. Во время ужина мы оказались с ним за одним столом. Мы привычно заняли наши места, и тут Виктор попросил меня поменяться с ним, ему почему-то не хотелось сидеть спиной к окну. Мне хотелось спросить его почему, но было неловко расспрашивать его в первый же вечер. Несмотря на его внешнее спокойствие, в нём чувствовалось какое-то необъяснимое напряжение, и я не хотел напрягать его ещё больше.

Постепенно выяснилось, что он недавно демобилизовался. Служил он в десантных войсках и вторую половину своего двухгодичного срока воевал в Афганистане. Я знал, что обстановка в этой стране была серьёзная, уже двое парней из нашего двора погибли там, и их тела привезли в Сибирь в цинковых гробах. Мне было неудобно его расспрашивать о том, что там в действительности происходило, но любопытство не давало мне покоя.

Постепенно наши взаимоотношения стали более доверительными, и, когда однажды после ужина мы присели на скамейку возле корпуса нашей гостиницы, я не выдержал и спросил:

– Витя, а тебе приходилось стрелять в человека?

Он, словно ожидал этого вопроса, сразу ответил:

– Алексей, мне не очень хочется говорить об этом.

– А в тебя стреляли? – не унимался я.

– Стреляли во всех и отовсюду.

– Тебе было страшно?

– Да. Мне было страшно не только за себя, но и за моих товарищей, из которых некоторые не вернулись, погибли, – затем помолчал немного и добавил. – На войне вообще первыми погибают лучшие.

Я удивился этому замечанию и переспросил:

– Почему именно лучшие?

Он не ответил, взглянул на меня, как бы раздумывая, и вдруг начал рассказывать:

– Однажды наш батальон застрял возле узкого входа в горное ущелье из-за нескольких хорошо расположенных снайперов противника. Уже один из наших товарищей был убит, и один ранен их неожиданным прицельным огнём.

Наш командир батальона сказал: «Необходимо подавить снайперские точки до наступления темноты и проскочить, как можно скорее, это злосчастное ущелье. Вертолёты на этот раз не могут нам помочь из-за низкой облачности. Имеются ли среди вас добровольцы?» Первым на вопрос откликнулся парень из Смоленска и стоявший рядом длинный худощавый сержант из Рязани. Им дали по две дополнительные гранаты, и они исчезли за грудой камней.

Снайперов по меньшей мере было двое. Они расположились на противоположных сторонах ущелья и таким образом прикрывали подходы к их месту расположения на расстояние броска гранаты. Минуты тянулись, слышалось только журчание протекающей внизу небольшой, почти пересохшей реки. Вдруг мы услышали отдалённые звуки выстрелов, затем раздался взрыв гранаты и ещё один выстрел. Наступила тишина. Комбат стал выкрикивать имена солдат, но никто не откликнулся. Он попытался рассмотреть в бинокль, но за каменными завалами ничего не было видно. Он опять обратился к нам с вопросом:

– Кто пойдёт добровольно?

Все молчали. Тогда он сказал:

– Если нет добровольцев, я буду вынужден приказывать!

– Я пойду, командир, – вызвался невысокий смуглый парень из Казахстана, – но мне нужно прикрытие.

Комбат указал сурово на трёх ребят:

– Ты, ты и ты, по двое на каждого снайпера.

Они молча взяли гранаты и стали пробираться между камней по направлению к снайперским позициям.

В коротком завязавшемся бою ещё один солдат был ранен, но им удалось подорвать гранатой одного из снайперов. Второй снайпер исчез, оставив свою позицию. Мы нашли тела товарищей из первой группы, один был ранен в грудь и лежал без сознания, у другого граната разорвалась в руке, после того как пуля попала ему в шею.

Нам удалось пересечь ущелье ценою двух убитых и трёх раненых бойцов. Вдвоём с товарищем мы несли тело рядового из Смоленска. Я шёл с тяжёлым чувством, как будто был виноват перед ним. В моей голове стучало: «Ему оставалось три недели до дембеля, и он пошёл добровольно рисковать своей жизнью – он, а не я! Он был храбрее и лучше, чем я. И он погиб, а я жив!»

Мы пересекли проклятое ущелье и подошли к небольшой, похожей на средневековую, афганской деревне, состоявшей из полутора десятка низких каменных домов. Она показалась нам необитаемой. Лёгкий сухой ветер перекачивал верблюжки колючки по пустынным улицам. Вдруг раздался глухой одиночный выстрел, и рядом со мной упал, взмахнув руками, мой товарищ из Минска. Мы кинулись к ближайшему глиняному забору «дувалу» и залегли. Комбат некоторое время смотрел на моего убитого наповал товарища с застывшим выражением лица, вдруг повернулся и глухим, но твёрдым голосом приказал: «Не рисковать! Забросать гранатами!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.